

В ПЕРВЫЕ Николая Островского я увидела летом 1926 года в крымском санатории «Мойнаки», куда я приехала лечиться.

Среди санаторных больных мое внимание привлекли двое. Обычно они сидели в креслах-качалках с высокими спинками в тенистой части парка. Они читали книги, газеты, о чем-то беседовали. Один из них был Николай Островский, будущий автор прославленной книги «Как закалялась сталь», другой — немецкий коммунист Адам Эбнер. Оба испытывали затруднения: Эбнер плохо, говорил по-русски, Островский не знал немецкого языка. Друзья обрadowались, когда узнали, что я говорю по-немецки. Так я стала их собеседницей и переводчицей.

Николай был хорошим рассказчиком и страстным спорщиком, говорил он просто, немногословно, умел слушать собеседника.

Наиболее яркой, всепоглощающей чертой внутреннего облика Островского была его беззаветная преданность идеям партии, жажда быть активным участником социалистической стройки. Он часто говорил:

— Для меня партия — это все.

...Пребывание в санатории кончилось. Мы проводили Николая в Новороссийск и решили, что через месяц-другой кто-то из нас должен к нему съездить.

В один из осенних дней 1926 года в моей московской квартире раздался звонок (я жила тогда в Гусятниковом переулке). Каково же было мое изумление, когда я увидела на площадке лестницы пятого этажа Николая, опиравшегося на костыли. За ним стоял носильщик с тюфлячком в одной руке и маленьким потертым чемоданчиком — в другой. По землестому цвету лица Николая, покрытому крупными каплями пота, было видно, как смертельно он устал. Поздоровавшись, он сказал мне:

— Хотя ты и советовала не предпринимать далеких путешествий, я все же приехал,

Лето, правда, 1925 5/хл

к числу самых любимых книг моего юношества относятся произведения замечательного советского писателя, героя гражданской войны, лауреата премии Ленинского комсомола Николая Островского, семидесятилетие со дня рождения которого будет отмечаться в следующем году. Вместе со всей страной готовится к этой дате издательство «Молодая гвардия». Сегодня мы предлагаем вашему вниманию отрывок из книги воспоминаний о Николае Островском, которая готовится к печати.

Публикуемый отрывок написан старой большевичкой, в прошлом сотрудницей газеты «Правда», Мартой Пуринь, которую связывала долгая дружба с писателем.

К ШТЫКУ ПРИПРАВЛЯВ ПЕРО

и, надеюсь, ты меня не прогонишь...

Начались встречи с товарищами, которые часто нас навещали. Это были партийцы, бывшие подпольщики Латвии, бывшие партизаны и два молодых литератора.

В то время я работала в бюро расследований газеты «Правда», а по вечерам училась в институте и не могла уделять Николаю много времени. Но он не скучал.

Осень все больше вступала в свои права, начались дожди, туманы, заморозки. Николаю стало хуже, чувствовалась усиливавшаяся скованность в суставах, вновь появились острые боли. Врачи рекомендовали ему уехать из Москвы на юг.

Мы начали собирать Николая в дорогу. Снабдили его теплыми вещами, продовольствием, книгами. Я поехала с ним на извозчике на вокзал, там ждали нас другие наши товарищи. Они помогли Николаю устроиться удобнее в вагоне.

Поезд тронулся, мы продолжали стаять на платформе; на душе было грустно и обидно за наше бессилие что-то сделать другу, помочь ему вернуться в строй.

В конце 1926 года я поехала в Новороссийск. Николай жил в семье Мацюк на Шоссейной улице.

Николаю предстояло решить сложный и трудный вопрос: «Как жить, чтобы быть полезным для общества?»

Теперь, когда он все больше и больше терял подвижность, надо было найти подходящую профессию или занятие, соответствующее его физическому состоянию. Об этом мы говорили несколько вечеров.

Я вспомнила, как хорошо и содержательно он вел политические беседы. А почему бы ему не вести политзанятия с комсомольцами? И еще вспомнила, как красочно рассказывал он боевые эпизоды из жизни легендарной дивизии Котовского. А почему бы ему не написать об этом?

Николай согласился с этим предложением. То, что он напишет, просила прислать мне в Москву для передачи кому-либо из журналистов для литературной обработки.

На следующий день я пришла в райком партии и рассказала, что коммунист Островский, бывший фронтовик, по своим знаниям и квалификации мог бы вести политзанятия с комсомольцами и коммунистами.

В 1926 и 1927 годах Николай мне часто писал. Переписка продолжалась и в 1928 году с некоторыми перерывами.

Потом переписка как-то оборвалась. Прошло несколько

лет. В 1932 году я узнала, что Николай Островский стал писателем. Не верилось, что это тот самый юноша, который шесть лет тому назад был обречен на неподвижность.

На меня и на моих друзей книга «Как закалялась сталь» произвела глубокое впечатление.

Прошло еще три года. И вот однажды, в зимний день 1935 года, раздался телефонный звонок в моей квартире. Звонил Николай Островский. Он просил меня приехать к нему на улицу Горького.

Через много лет мы снова встретились. Это была радостная, волнующая встреча. Хотя он внешне очень изменился, но был все такой же неугомонный парень, он забросал меня вопросами, хотел знать, что я делаю, как живут москвичи, как одеваются. Николай осторожно дотронулся до моего платья и спросил, в каком я платье, как оно сшито. Потом он спросил:

— Скажи, Марта, правду, сильно я изменился?

Я ответила, что он возмужал, стал образованным человеком, в разговоре не слышно прежних жаргонных словечек, речь стала совсем другой, чувствуется его напряженный умственный труд, который оставил глубокий след и на его внешнем виде.

— Да, — сказал он, — я много работал...

Он рассказывал, что приехал в Москву продолжать работу над новой книгой, рассказывал горячо, образно. Беседа была настолько увлекательной, что я совершенно не заметила, что уже три часа нахожусь возле него.

Через некоторое время я вторично была у Николая в московской квартире. Он был все такой же спорщик в разговоре, вспоминал «Мойнаки», Новороссийск, вспоминал наши беседы о выборе профессии.

— Литературный труд, — говорил Николай Алексеевич, — оказался для меня единственной профессией, которая дала мне путевку в жизнь.